

Азбукин В. По поводу 900-летия кончины св. равноапостольного князя Владимира Киевского // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 29, 687.

Бархатов А. Речь перед началом учения в Орловской 1-й гимназии // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 34, 863.

Бархатов А. Слово в день Полтавской победы // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 27–28, 656–659.

Ивановский К. Война, ее причины и цели // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 17, 425.

Исторические дни (редакционная статья) // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 32, 805.

Ключев А. Две культуры // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 4, 91.

Кондратенко А.И. Два века как один день: Страницы истории орловской журналистики. Орел, 2008. 504 с. С. 86.

К-ов Н. 1-го Января 1917 г. // ОЕВ, неоф. отд. 1917 г. С. 1–3.

Орловские Епархиальные ведомости, официальный отдел. 1914 г. № 31. С. 778.

Орловские Епархиальные ведомости, официальный отдел. 1914 г. № 35. С. 903.

Орловские Епархиальные ведомости, неоф. отд. (без автора) 1916 г. № 42–43. С. 826.

Павел, еп. Елецкий. Слово по случаю 500-летия явления чудотворной иконы святителя Николая // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. № 23. С. 570.

Пастырская роль духовенства в условиях войны (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. № 31. С. 715.

Поучение на день Рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1916 г. № 44–45. С. 486.

Распоряжение епархиального начальства // ОЕВ, официальный отдел. 1916 г. № 50–51. С. 579.

Сахаров В.А. Слово в день Нового года // «Орловские епархиальные ведомости», неоф. отд. 1916 г. № 1. С. 11.

Что может законоучитель в настоящее время в школе (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. № 2 С. 38.

ПРЕССА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война в репортажах
В. Жаботинского в «Русских ведомостях»
и в мемуарных книгах («Слово о полку»
и «Повесть моих дней»)

Еще не так давно заявленной темы не могло и существовать. Ведь известная в русском переводе с иврита мемуарная книга «Повесть моих дней» («Сипур ямай») не столько рассказывала о журналистской деятельности Altalen'ы (основной псевдоним В. Жаботинского этих лет), сколько констатировала: «Кстати, я не знаю, кто распространил слух, будто я принадлежал в свое время к “первой шеренге” авторов *общей* печати в России. Это преувеличение, одна из “легенд”. В Одессе и на юге я был популярен, среди евреев, по большей части, но Петербурга я не “завоевал”. Если я не ошибаюсь, более сильное впечатление производили мои письма из Лондона в годы войны, которые печатались в московской газете “Русские ведомости”, но этой славы я уже не успел вкусить, потому что не вернулся в Россию, да и газета эта была разгромлена и читателей ее уже нет в живых»¹.

Такое можно было написать только «в книге, напечатанной в Тель-Авиве»² и на иврите, – все-таки многие читатели «Русских ведомостей» еще жили к 1936 г. в эмиграции... Но мемуарные книги В. Жаботинского включены в сложную систему, тактику и стратегию их автора. Ее мы здесь рассматривать не будем, но сказать об этом необходимо³.

А русские читатели еще в 1928 г. могли прочесть в другой книге – «Воспоминания. История еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора», в первой главе «Как зародилась мысль о легионе», о декабре 1914 года следующее: «Шел уже пятый месяц войны, и уже три месяца и больше, в роли корреспондента “Русских Ведомостей”, я скитался по разным углам невеселого тогдашнего света. Редакция мне поручила не столько писать о самой

войне, сколько о настроениях в связи с войной. В Швеции надо было выяснить, разделяет ли тамошнее общество новую веру Свен Гедина – будто Россия задумала отобрать у Норвегии не то Нарвик, не то даже Берген, чтобы этим путем приобрести, раз не дают ей Константинополя, незамерзающую гавань на теплом Гольфстриме вместо теплого Босфора; если разделяет, то нет ли опасности, что шведы примкнут к Германии и объявят России войну»⁴.

Библиография Жаботинского подтверждает, что в «Русских ведомостях» 03.09.1914 г., действительно появилась статья «Свен Гедин и война»⁵. Таким образом, сообщение Жаботинского о «трех месяцах» работы военным корреспондентом оказывается точным, как календарь. Казалось бы, нам следует лишь проследить по «Слову о полку» маршруты военного корреспондента Жаботинского и этим удовлетвориться. Существует, однако, одно обстоятельство, заставляющее нас отнестись к сообщениям книги о становлении еврейского легиона более внимательно.

Дело в том, что в Архиве Института Жаботинского (Маһон Jabotinsky) в Тель-Авиве хранятся рукопись ивритского текста этой книги и авторизованный или авторский ее перевод на английский язык. Эта машинопись содержит третью часть книги «Повесть моих дней», которая как раз посвящена работе В. Жаботинского в газете «Русские ведомости». И в этой главке мы находим нечто, что заставляет остановить внимание.

Жаботинский пишет: «Я не помню, поверил ли я в войну тогда, в течение лета 1914. Действительно, около двух с половиной лет до этого, я опубликовал в Одесской газете (“Одесские новости”. – Л.К.) за 1 января 1912 года статью, в которой я предсказывал события во всей их полноте – наполовину правильно, наполовину нет. Название той статьи – “Гороскоп”, она была напечатана и в одном из русских сборников моих статей (“Фельетоны”, Берлин, 1922. – Л.К.). Я сомневаюсь, однако, что я предугадал то лето, происшедшее убийство австрийского кронпринца и все его последствия. Мне кажется, что вызвал вновь мои ощущения, связанные с войной: от этого первого момента со всей силой своей души я верил и надеялся на поражение России. Если бы судьба войны зависела в те недели от меня, я бы решил ее следующим образом:

быстрый мир на Западе безо всяких победителей и побежденных – но прежде всего – поражение России. Я не знаю, стоит ли говорить здесь о том, что это было вовсе не потому, что я ненавидел свою родину и потому мечтал о разгроме ее армии: я полагал, что если Россия будет бита на полях сражений, она сможет двинуться в сторону свободы. Но если она бы победила, то победил бы режим рабства»⁶.

Результатом этого было острое ощущение одиночества даже, как отмечает мемуарист, среди евреев, хотя «десятью годами ранее во время войны с Японией это мнение царило среди всей интеллигенции, даже среди прогрессивных христианских кругов». Между тем Жаботинский размышляет о разности той ситуации, когда проникновение Японии в Сибирь могло меньше волновать интеллигенцию, чем приход германцев в Россию, либо симпатии к Англии перевешивали соответствующее отношение к Германии.

Эта ситуация привела к тому, что В. Жаботинский решил обнародовать подобные свои взгляды: «Еще один инцидент, также типичный для описания режима рабства, за разрушение которого я молился: в одном дружеском доме я встретил редактора популярной газеты “Биржевые новости”, политически влиятельной газеты, однако глубоко почитавшей патриотизм. Он прислушался к моему “против” и пригласил меня обосновать мои еретические взгляды в статье. Я написал ее осторожно, но я был абсолютно определен: все надежды на реформы режима, если “мы” выиграем безнадежны, и все те, кто хочет победы, “должны осознавать”, что приносят этим в жертву все свои “прогрессивные мечты”. Статья была напечатана, а редакция даже не получила выговора от цензора».

Речь здесь идет о вполне реальной и конкретной статье В. Жаботинский «Пессимист и оптимист» из «Биржевых ведомостей» за 10.08.1914 г. Таким образом, статья Жаботинского, уже напечатанная на 9–10-й день войны, в которую вступила Россия, должна рассматриваться как, по-видимому, первая «пораженческая» публикация в открытой печати. Сама по себе статья действительно очень осторожная – это диалог в вагоне двух собеседников, выражающих противоположные позиции. Маленькая цитата из нее дает понять, что имел в виду Жаботинский: «Победа всегда

счастье, особенно в такой симпатичной и великодушной войне, как эта. Но я просто констатирую непреложную для меня истину: после побед требовать широких реформ бессмысленно. После победы никаких реформ не будет и не должно быть».

Такого рода радикальная позиция была вполне нормальной для Жаботинского – крайнего федералиста. Он считал, что неизбежен развал империй, а следовательно, образование новых национальных государств. Понятно, что и образование еврейского государства в Палестине с неизбежностью предусматривало распад Османской империи.

Но пока биография Жаботинского совершила поворот, связанный именно с самым началом мировой войны. Случилось так, что его знакомый коммерсант Исаак Гольдберг искал человека для занятия его бизнесом в Голландии. Жаботинский предложил себя. На следующий день, как пишет он в мемуарах, рванулся на вокзал и сел на поезд в Москву. «Газета “Русские ведомости” была чем-то вроде пра-пра-дедушки настоящей русской прессы, храмом прогрессивной либеральной традиции». Так Жаботинский, хотя и не знал никого из редакции, был все же послан корреспондентом на Западный фронт с договором – до момента возвращения.

Свое путешествие Жаботинский кратко описал так: «В начале сентября я пересек границу, в середине декабря я прибыл в Египет; за десять недель я посетил Швецию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Испанию, Португалию, Марокко, Алжир, Тунис, Сардинию и Италию. Я мог бы составить целую книгу из моих впечатлений от этого путешествия – присматриваясь к миру, который был уже охвачен сумасшествием, но все еще не осознал, что это был яд – но пока целая книга остается невозможной», автор просит у читателя разрешения сфокусироваться на наиболее интересных моментах.

Это были моменты, почерпнутые нами в не опубликованных по сей день по-русски мемуарах Жаботинского. А вот их пояснение уже в «Слове о полку». Причем в этой книге в 1928 году Жаботинский менее всего хотел информировать своих русскоязычных читателей о «пораженчестве» в Первой мировой войне. Итак, на данный момент, если мы хотим проследить хронику раз-

мышлений Жаботинского, мы должны были начать с 1 января 1912 года и «Одесских новостей», продолжить статьей от 10.08.1914 г. в «Биржевых ведомостях» и лишь теперь обратиться к «Русским ведомостям», которые упоминались ранее. Итак, мы возвращаемся к Свену Гедину, имя которого находится в заголовке первой из имеющихся наиболее полной библиографии Жаботинского «Свен Гедин и война» в «Русских ведомостях» за 3 сентября 1914 г.

Вот как описывает свое журналистское задание Жаботинский в «Слове о полку», ставшем доступным русским читателям в 1928 г.: «Редакция мне поручила <...> писать <...> о настроениях в связи с войной. В Швеции надо было выяснить, разделяет ли тамошнее общество новую веру Свен Гедина⁷ <...> В Англии мне поручено было присмотреться, нет ли доли правды в остроте, которая бойко тогда ходила по ресторациям земли русской и прочих земель, – что британский лев “готов воевать до последней капли русской крови”. Во Франции “выяснить” было нечего – французские настроения даже у остряков не вызывали никаких сомнений: там нужно было просто приглядеться – если пустят – к быту фронта; посмотреть Реймс и проверить, действительно ли немцы вконец расстреляли прекрасный собор; а также сообщить, бодро ли держится Париж или уныло. Но на месте оказалось, что “Париж” переведен уже в Бордо: правительственным учреждениям пришлось на время удалиться из угрожаемой столицы; я поехал в Бордо и там в одно мокрое утро я прочел на стене афишу о том, что Турция фактически примкнула к центральным державам и начала военные действия. Признаюсь: до того утра я себя чувствовал, в Бордо и повсюду, просто наблюдателем, без особенных каких-либо побуждений пламенно желать одной стороне полной победы и полного разгрома другой. Ориентация моя в то время писалась так: мир вничью, и как можно скорее. Турецкий жест в одно короткое утро сделал из меня фанатика войны до конца – сделал эту войну “моею”»⁸.

Вообще говоря, небольшой абзац о том, что журналист должен был выяснить у Свена Гедина, не вступит ли его страна в войну вследствие неких действий России против Турции или Норвегии и т.д., выглядит как не совсем журналистское задание. Сейчас у нас

нет достаточных средств для занятий политической конспирологией и историей военной разведки. Однако это впечатление нас не оставляет. Мы надеемся вернуться к этому вопросу в дальнейших публикациях о Жаботинском времен Первой мировой войны, пока же вновь обратимся к неопубликованным по-русски мемуарам, где вся эта история излагается несколько иначе. И это изложение позволяет существенно углубить наши представления о душевном и даже духовном мире военного корреспондента «Русских ведомостей». Поэтому есть смысл привести достаточно обширные отрывки из «Повести моих дней» в переводе с английского.

Наиболее важным симптомом умственного состояния Северной (как и всей остальной) Европы было, по мнению Жаботинского, сумасшествие. «Я обнаружил первые симптомы этого через день после пересечения границы в Хафаранде, в Стокгольме. Я не ожидал такого сюрприза. Я должен признаться, что до того мы вообще не подозревали, что в Швеции есть какие-то политические интересы, стремление к имперскому государственному строительству, захватнические аппетиты и т.д. Действительно, в начале столетия, около двадцати лет тому назад, литературные и театральные вкусы удовлетворялись нами именно скандинавской продукцией, и мы получали этот духовный посыл как некий бальзам из-за Самбатона, из некоего легендарного парадиза, находящегося по ту сторону реальности. У нас было впечатление, что Христиания (теперь называемая Осло), Стокгольм и Копенгаген существуют для того, чтобы поддерживать нас книгами, театром и это – все. До нас не доходила возможность того, что эти столицы также впутаны также и в другие взаимоотношения. В русской прессе мы привыкли читать статьи, прославляющие Кнута Гамсуна и Сельму Лагерлеф, но в разделе иностранных новостей их родные страны практически не упоминались, так как ничего подобного “событиям” не случилось не могло бы там когда-либо произойти».

С учетом того, сколько места одесский и питерский журналист и театральный критик посвятил Генрику Ибсену и другим скандинавским классикам⁹, мы не можем не понять, что для него изменение духовного статуса Северной Европы не могло быть безболезненным. Однако употребление таких терминов, как «Самба-

тион» или «парадиз», заставляет насторожиться при чтении следующего эпизода, собственно, того самого, где мы узнаем, как именно попал к Свену Гедину Владимир Жаботинский.

Итак: «Однако даже до того, как я имел время встретить кого-либо в Стокгольме, я увидел книгу в окошке магазина с цветной картинкой на обложке из шести подводных лодок: морской бой, два военных корабля объаты огнем и дымят друг на друга, один из них несет русский флаг, а другой флаг Швеции. Я вошел внутрь и купил книгу: она была дешевой, это была книга для масс. Автор скрыл свое имя, однако предисловие сообщало, что он был морским офицером. Я просмотрел книгу: ее содержание говорило о войне в ближайшем будущем между Россией и Швецией, а после многочисленных взлетов и падений Швеция победит».

Далее Жаботинский говорит о том, что настоящий журналист, как он упоминал ранее, никогда не пойдет что-то узнавать у официальных лиц, сидящих за мостами и стенами дворцов. Поэтому идти надо к брату-журналисту, который все и объяснит.

«Я показал книгу моему коллеге и спросил:

– Что это? Это случайно или симптоматично?

Он открыл мне секреты, о которых у меня не было ни тончайших догадок, ни слухов. Он говорил об оккультных конструкциях русской политики, о которых мы, ни ваш покорный слуга, ни мои коллеги из главных газет, не имели понятия в С.-Петербурге, в то время как здесь, в Скандинавии (как он мне сказал), эти вещи являются публичными и известны каждому мужчине, женщине и ребенку в деталях. России необходим северный не замерзающий зимой порт. Равно как Англия никогда не даст лишить себя Стамбула на юге, русские издали посматривают на западное побережье Скандинавии. Норвежский порт Берген – это и есть их цель. Здесь проходит Гольфстрим, нет льда, ну а остальное ясно без объяснений. Россия лишь ждет удобного момента напасть на своих северных соседей. План этот не связан с этой войной; это традиционная цель с незапамятных времен; и здесь в Швеции люди знают об этом, готовятся, и раскручивают свои сны.

Я попытался возразить ему, что все это форменная ложь, что в Петербурге нет ни официального представителя, ни совет-

ника Министерства иностранных дел, ни журналиста самой дешевой газеты, кто мечтал бы о подобных вещах. А истина в том, что десятью годами ранее те же возбужденные русские отправились искать незамерзающий порт на Дальнем Востоке, а не здесь, на Севере, ну и так далее. Я тщетно старался. Он не верил мне. Вся Скандинавия не верит, потому что Берген закрыт, Швеция и Норвегия слабы и – короче говоря, его аргументы напомнили мне знаменитое обвинение против евреев: “Что здесь нет серебряных ложек? У тебя нет двух рук? Ты разве не вор по рождению и происхождению? Это понятно...”»

Тут-то редактор и послал Жаботинского к Свену Гедину. А Гедин повторил все сначала. Это каждый может обнаружить в статье о нем в «Русских ведомостях».

Таким образом, в мемуарах Жаботинского нашлись две разных причины, по которым журналист решил обратиться к Свену Гедину. Общей осталась лишь одна: желание узнать нечто о политике и взглядах на войну в Скандинавии. Результат мы видим.

Однако далее Жаботинский показывает, что, поехав дальше, он увидел то же самое и в Тунисе, в Италии, и в Испании, и в Португалии. Мир сходил с ума. Однако российский журналист-сионист искал во всем этом смысла. При этом слово *Палестина* довольно долго не появляется в его мемуарах. В то время как Иорданский фронт упоминается сразу после беседы с Гедином о Бергене и перед упоминанием о поездке с журналистами в Христианию. Кстати, заметим, в Голландию, которая была, как кажется, первой целью поездки в Европу, Жаботинский прибывает уже на втором круге объезда континента и после посещения Палестины.

В рамках данной статьи, которая призвана лишь начать анализ газетных и мемуарных текстов Жаботинского о Первой мировой войне, мы не будем анализировать все передвижения нашего героя, тем более что их легко отследить просто по библиографии названий его газетных статей, а лишь скажем, что статьи со словом *Палестина* в заглавии появятся в «Русских ведомостях» 11, 17 января и 10 февраля 1915 г. А пока Жаботинский упоминает о том, как его соратник по войне в Палестине полковник Паттерсон рассказывает ему некую историю¹⁰. На рынке дрались десятки че-

ловек. И один из них спросил: это частная драка или чужой может принять в ней участие? Так и Швеция – мирная страна, как и Норвегия, однако обе они имеют романтическое прошлое, однако и им хочется принять участие в битве великих держав.

Сейчас мы остановимся, чтобы обратить внимание на то, что маршрут, по которому Жаботинский ехал в Голландию, несколько странен. Напомним его, на сей раз с датами и названиями соответствующих статей в «Русских ведомостях»: «Свен Гедин и война», 03.09.1914 (Стокгольм); «По опустошенной Бельгии», 16.09.1914; «Через Англию», 20.09.1914; «Младший брат Лувена», 27.09.1914; «В Реймсе», 28.09.1914; «Антверпен перед бомбардировкой», 28.09.1914; «Бомбы в Остенде», 30.09.1914; «Во Франции», 01.10.1914; «На фронте союзных войск», 09.10.1914; «Военные мытарства», 28.10.1914; «Раненные», 30.10.1914; «Гунн», 01.11.1914; «В Париже», 02.11.1914; «Винкельрид среди нации», 08.11.1914; «Дух войск», 09.11.1914; «Проездом по Испании», 23.11.1914; «В Северной Африке», 02.11.1914; «В Португалии», 11.12.1914; «Гибралтар», 16.12.1914; «От Марокко до Туниса», 20.12.1914; «Из французской Африки», 04.01.1915; «На севере Африки. Туземцы», 06.01.1915, а затем те три публикации о Палестине и Египте, которые мы уже упоминали.

После чего – возвращение через Афины в Европу.

Данный список тем, дат и названий грешит двумя пропусками. Нет здесь ни Христиании, ни Голландии, упомянутых в мемуарах. Восстановим эти пробелы. Как следует из «Повести моих дней», в Христианию Жаботинский поехал с группой журналистов из Стокгольма. Следовательно, это могло быть (если было) в период между беседой со Свенем Гедином, опубликованной 03.09.1914, и поездкой «По опустошенной Бельгии», описанной 16.09.1914. Времени на все вполне достаточно. А в Голландии Жаботинский оказался, по его собственным словам, после Лондона, т.е. Англии, описанной 20.09.1914, и Бельгией, описанной 20.09.1914. Здесь, правда, мы имеем нормальную еженедельную публикацию собственного корреспондента, поэтому, хотя времени на краткое посещение Голландии после пересечения Ла-Манша хватает, однако делами Исаака Гольдберга, пославшего его за границу, Жаботинский занимался явно недолго...

Мы проделали весь этот анализ соотношения двух книг мемуаров Жаботинского с целью анализа его маршрута, который не был необычным для русских мистиков (теософов и антропософов) в тот период. Вот, например, описание планов путешествия А. Минцловой, которая в 1898 г. «писала Борису Николаевичу Хавскому: «По всей вероятности, я не буду в декабре в Петербурге и даже в Европе. Быть может, в Египте, в Алжире, в Тунисе. Быть может, на Крите или в Сицилии, в Англии и, наконец, возможно, что зимовать я буду в Норвегии и весной лишь вернусь в Петербург. Пока еще все это неопределенно и туманно. Возможно, что и в Париже я буду, но когда – не знаю»¹¹.

Этот маршрут Н.А. Богомоллов вполне обоснованно относит к моменту становления Анны-Рудольф как оккультистки.

А вот следующий пример: «Минцлова, как это часто с нею бывало, отправилась снова в Германию удивительным кружным путем – через Выборг (где рассталась с Ивановым), Або (ныне Турку), через всю Швецию от Стокгольма до Трелерборга и оттуда на остров Рюген. И там она сталкивается с той реальностью, которую воспринимает через призму оккультных представлений о ходе человеческой истории вообще»¹².

Похоже, что мистический остров Рюген, который был связан у русских теософствующих мистиков и антропософов с проповедью доктора Штайнера о будущем славянства, независимо от того, был ли там Жаботинский, не мог не быть ему известен.

Та географическая зона, куда отправился Жаботинский, имела важнейшее значение для русских мистиков. Там находился древнейший славянский поселок Аркона. Мы сейчас не будем приводить здесь мистические тексты Минцловой, связывающие Восток, Запад и Атлантиду, и ее же впечатления от чтения статей Вячеслава Иванова, связанных с борьбой Иакова-Израиля с Богом. Все это есть в книге Н.А. Богомоллова. Здесь же мы приведем довольно длинный отрывок из мемуаров Андрея Белого, который Н.А. Богомоллов прямо связывает с впечатлениями от Рюгена Анны Минцловой.

Вот этот текст: «На следующий день мы поехали на маленьком парходике в Рюген; и посетили Аркону, место древнего сла-

вянского поселка; по словам д-ра, здесь был некогда центр славянских мистерий, – а ныне – здесь стоят огромные столбы для радио-депеш; <...> вот что мне привиделось: мне показалось, что передо мною отчетливо развернулся ряд ярких и совершенно невероятных образов, неизвестно откуда появившихся; мне показалось, что странные, могучие силы вырываются из недр земли; и эти силы принадлежат когда-то здесь жившим арконцам, истребленным норманнами; они, арконцы, – ушли под землю; и ныне, там под землей, заваленные наслоениями позднейшей германской культуры, они продолжают развивать свои страшные подземные, вулканические силы, рвущиеся наружу, чтобы опрокинуть все, смести работу веков, отомстить за свою гибель и лавой разлиться по Европе; я подслушал как бы голоса: “Мы еще – придем; мы вернемся; мы – уже возвращаемся: отомстить за нашу гибель!”¹³ И тут какая-то дикая сила, исходящая из недр земли, охватила меня, вошла в меня; и – я как бы внутренне сказал то, что по существу не принадлежало к миру моего сознания; я – сказал себе: “*Карта Европы изменится: все перевернется вверх дном*”. И тут мне мелькнуло место будущих страшных боев, где на одной стороне сражались выходцы из недр земли, вновь воплощенные в жизнь, а на другой – представители древней, норманнской и тевтонской культуры, как бы перевоплощенные рыцари; местом боя представилась – Польша, Литва (знал ли я, что бои здесь закипят уже через месяц?); и эти слова: “Все перевернется вверх дном” – соединились у меня с Польшей, Литвой, и с образами выпирающих из земли древних, загубленных арконцев».

За этим, из подземных недр возник некий калмык, т.е. представитель монголоидной расы, идущей на Европу, чтобы тоже отомстить и тоже из подземных недр¹⁴.

Казалось бы, подобные мистические откровения, основанные и на теософских, и на, разумеется, антропософских идеях и образах¹⁵, не могли быть важны и интересны практическому политику и далекому от всякой, как кажется, мистики Жаботинскому. Но не будем забывать, что вслед за фронтными главами его мемуаров следует глава «Еврейский акцент», связанная уже с Турцией и Палестиной. Однако в базовой хрестоматии сионистских

текстов находится поэма Хаима-Нахмана Бялика в переводе Владимира Жаботинского «Мертвецы пустыни» (1902), основанная на талмудическом сюжете о богатырях, которые остаются под землей, пока евреи не вернутся из изгнания. Эпиграф к поэме гласит: «Сказал мне тот Араб: пойдем, я покажу тебе Мертвецов Пустыни. Я пошел к ним и видел их; они казались только одурманенными, и лежали они навзничь. У одного из них было согнуто колено; тот Араб въехал под колено верхом на верблюде, в руке его поднятое копье – и не коснулся его» (Из странствий Рабба-Бар-Ханы: *Baba Bathra* 73, 74)¹⁶.

А сам Жаботинский пояснил это так: «На этой канве Бялик вышил свое видение. Нечеловеческим величием облакает он этих титанов, этих непокоренных предков покорного потомства. Они лежат, распростреты в царственной сонной мощи; ни один из властителей пустыни – ни орел, ни змей, ни лев – не смеет приблизиться, робея и смиряясь перед окаменелым воплощением мужественной силы. Только буря, иногда, раз во много столетий, пробуждает их ото сна; тогда древние мятежники, побежденные, но не укрощенные, поднимаются, потрясая мечами, и повторяют клятву – бороться, бороться против объединенной силы всех стихий и против самого Бога...»¹⁷.

Мы не будем сейчас решать вопрос о том, как повлияли и повлияли ли вообще переводы Жаботинского из Бялика на Белого. Хотя Бялика переводили и Вяч. Иванов, вокруг которого идет вся философская игра Минцловой, и Валерий Брюсов. Определенное влияние имели переводы Бялика на полемику вокруг «собачьих» стихов Ф. Сологуба с участием В.П. Буренина в «Новом времени» и т.д. Вопрос этот заслуживает отдельного рассмотрения, и здесь мы его только упоминаем.

Для нас важно, что ассоциации обоих участников осмысления мировой бойни, практически одновременные (так как Белый окончил свои записи между 1923 и 1928 гг., а Жаботинский издал «Слово о полку» в 1928), вызвали у обоих аналогичные ощущения, скорректированные, разумеется, культурно-религиозной направленностью их мыслей. Недаром после всех описаний фронтов в Европе у Жаботинского следует главка «Еврейский акцент», уже

специально посвященная проблемам распада Турции и перспектив сионизма.

На данном этапе нам представляется достаточным констатировать все эти явно мистические размышления обоих авторов, оставив на будущее анализ военных публикаций Жаботинского в «Русских ведомостях» до следующей работы. В дальнейшем военные размышления Жаботинского будут переплетены с размышлениями общекультурного плана, которые сами по себе уже были предметом анализа¹⁸. В любом случае, Жаботинский оказывается уже сейчас включен в широкий контекст русской культуры начала XX, а это заставляет все более внимательно присматриваться к его как бы чисто политическим текстам.

¹ Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней // Жаботинский В. (З.). О железной стене. Речи, статьи, воспоминания. Минск, 2004. С. 503.

² Там же. С. 521.

³ Об этом см. специально: *Katsis L. Vladimir (Zeev) Jabotinsky and His Recently Discovered Works: Problems of Attribution and Analysis // Russian Jewish European Culture 1918–1937. Studies in Judaica Series. Vol. 13. Brill; Leiden, 2012. P. 417–436.*

⁴ Жаботинский В. (З.). Слово о полку: История еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора // Жаботинский В. (З.). О железной стене... С. 303.

⁵ *The Writings of Ze'ev Jabotinsky. A Bibliography (1897–1940) / Ed. by M. Graur. Tel-Aviv, 2007. P. 152.* В дальнейшем мы будем пользоваться сведениями из этого важного издания.

⁶ В настоящее время нами вместе с проф. Брайаном Хоровитцем готовится комментированное издание этого источника по-английски. В данном издании мы исходим из того, что обе части мемуаров – и «Повесть моих дней», и «Слово о полку» – являются частью одного текста. Хотя русский вариант «Повести моих дней» не известен. В несколько иной компоновке, затрудняющей анализ, эти тексты опубликованы в собрании сочинений Жаботинского на иврите, дважды напечатанном в Израиле в конце 1940–1950-х гг.

⁷ Свен Андерс Гедин (*швед.* Sven Anders Hedin; 19 февраля 1865, Стокгольм – 26 ноября 1952, Стокгольм) – шведский путешественник, гео-

граф, журналист, писатель, график, общественный деятель. Гедин, будучи консерватором, связанным с пангерманистским движением, стоял на германофильских позициях в Первую мировую войну, открыто высказывался в поддержку Гитлера, во время Первой и Второй мировых войн публиковал статьи и книги в поддержку Германии. Гитлер считал его одним из своих кумиров юности и друзей. В то же время по ходатайству Гедина в Германии были спасены несколько еврейских семей, в Норвегии – помилованы участники заговора против оккупантов (смертную казнь им заменили 10-летним заключением, причем почти все они пережили войну). Когда в начале 1940-х Гедин подготовил к печати антиамериканскую книгу, в Германии отказались ее публиковать, поскольку в ней он признал, что является на 1/16 евреем и не собирается отказываться от своего происхождения. Тем не менее, когда Гитлер совершил самоубийство, Гедин написал некролог для газеты «Дагенс Нюхетер», где писал о нем в положительных тонах. О нем см. специально: *Хозиков В.* Забытый кумир фюрера: Жизнь Свена Гедина. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

⁸ *Жаботинский В. (З.)* Слово о полку... С. 303.

⁹ См. хотя бы вышедшие на сегодняшний день тома II–IV первого Полного собрания сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского в 9 т. (Минск, 2008–2012).

¹⁰ Джон Генри Паттерсон (*англ.* John Henry Patterson; 10 ноября 1867 – 18 июня 1947) – англо-ирландский военный, охотник, писатель. Убийца львов-людоедов из Цаво, командир Еврейского легиона во время Первой мировой войны, автор четырех документальных книг. С его предисловием в 1945 г. в Америке выйдет история Легиона по-английски. Об этом человеке писал К. Чуковский, он помогал еврейским legionерам во главе с Трумпельдором в Галлиполи и т. д. См. «With the Zionists at Gallipoli» (1916) и «With the Judaeans in Palestine» (1922). По-русски см.: *Шульман А.* «Хорошо умереть за родину!» Жизнь Иосифа Трумпельдора // Иосиф Трумпельдор. Гехолуц. Новый путь. Биография. Воспоминания. Статьи. Феодосия; Москва, 2012. С. 51–62 (На полях Галлиполи. Еврейский легион). Интересные соображения об образе Паттерсона у Жаботинского см.: *Вайскопф М.* Любовь к дальнему: Заметки о русскоязычном творчестве Владимира Жаботинского // Вестник еврейского университета. М.; Иерусалим, 2006. № 11(29). С. 224–228.

¹¹ См.: *Богомолов Н.* Маленькая монография: Anna-Rudolph // Богомолов Н. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 28.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Все это Белый слышит сквозь шелест травы, в которую он уткнулся. Как показывают наши работы, это сдобренное антропософской идеологией изложение так называемого Славянского единства. См. *Кацис Л., Одесский М.* «Славянская взаимность»: Модель и топика: Очерки. М., 2011. Там же ряд глав, связанных с Первой мировой войной.

¹⁴ Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1988. [Вып.] 6. С. 402–403.

¹⁵ Большой историософский фон этих размышлений находится в «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого, готовящейся к публикации российско-германским коллективом под руководством проф. Х. Щталь и д-ра М. Спивак. Наиболее наглядно это видно на «исторических» диаграммах, которые мы рассматривали в рамках этой работы. См.: *Кацис Л.* Семантика рисунков Андрея Белого, соотносимых с «Историей самосознающей души» // Миры Андрея Белого. Белград, 2011. С. 638–656.

¹⁶ *Бялик Х.-Н.* Мертвецы пустыни // Бялик Х.Н. Песни и поэмы / Авториз. пер. с еврейского и введение Вл. Жаботинского. 3-е изд., доп., с портретом автора. СПб., 1914. С. 155.

¹⁷ *Жаботинский Вл.* Введение // Бялик Х.Н. Песни и поэмы. С. 41.

¹⁸ *Вайскопф М.* Любовь к дальнему: заметки о русскоязычном творчестве Владимира Жаботинского // Вестник еврейского университета. М.; Иерусалим. 2006. № 11(29). С. 216–224 (Жаботинский и поиски фабулы в теории практике русского авангарда – о статье «Фабула» из «Русских ведомостей» от 15.01. 1917).